

5.6.2. Отечественная история

УДК: 93/94

DOI 10.22311/2074-1529-2024-20-2-129-150

Д. В. Мелентьев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

«ПРИКЛАДНОЙ ОРИЕНТАЛИЗМ» В СОВЕТСКОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

МЕЛЕНТЬЕВ Даниил Вячеславович —

преподаватель ф-та гуманитарных наук

Школы исторических наук.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(109028, Россия, г. Москва, Покровский бул., д. 11).

E-mail: back-in-95@mail.ru

Аннотация. Проекты и эпистолярное наследие советских востоковедов-марксистов в 1920-е гг. — плохо изученная часть интеллектуальной истории отечественной науки. Важно отметить, что в раннем СССР изучение Востока было сопряжено с идеологическими потребностями большевиков, которые видели в науке инструмент для модернизации не только бывших колониальных окраин Российской империи, но и всего мира. Настоящее исследование посвящено деятельности Всесоюзной научной ассоциации востоковедения (ВНАВ) в Средней Азии. Особое внимание уделено инициатору создания ассоциации и журнала «Новый Восток» М. П. Павловичу. В ходе исследования было установлено, что они занимались экономическими, политическими и культурными проектами в регионе, включая национально-территориальное размежевание Средней Азии, а также археологическими исследованиями и реставрацией памятников старины.

Ключевые слова: интеллектуальная история, ориентализм, колониализм, М. П. Павлович, советская Средняя Азия.

Для цитирования: Мелентьев Д. В. . «Прикладной ориентализм» в советской Средней Азии // Ислам в современном мире. 2024; 2: 129–150;

DOI 10.22311/2074-1529-2024-20-2-129-150

Статья поступила в редакцию: 02.03.2024

Статья принята к публикации: 13.05.2024

Изучение Востока с марксистских позиций в советской России началось после организации в Москве Всероссийской (позднее Всесоюзной) научной ассоциации востоковедения (ВНАВ). Ассоциация была учреждена декретом Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) 12 декабря 1921 года при Народном комиссариате национальностей (НКН)¹. Помимо подчинения НКН, ассоциация должна была ввести в состав правления по одному представителю от Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) и Народного комиссариата просвещения (НКП)². Ассоциация была разделена на политико-экономический и историко-этнологический отделы. Позднее при них появились кабинеты и секции.

Инициатором создания ассоциации был Михаил Павлович Павлович (наст. им. Михаил Лазаревич Вельтман), — марксистский политэконом и идеолог борьбы против западного империализма и колониализма. Об этом свидетельствуют его труды, в которых анализируется экономическая экспансия европейских держав на рынки Востока. Особый акцент М. П. Павлович делал на инвестиции в тяжелую индустрию и строительство железных дорог: «Империализм есть современная форма завоевательной политики, диктуемой прежде всего интересами металлургической промышленности»³. В работе «Азия и ее роль в мировой войне» М. П. Павлович писал: «Антагонизм между современными капиталистическими государствами нигде не отражается с такой яркостью, как в борьбе за проведение рельсовых путей. Агрессивный характер рельсовой политики современных государств обуславливается тем, что эта политика диктуется интересами металлургической промышленности»⁴.

По словам специалиста по истории Китая и Индии Е. Л. Штейнберга, в советской России молодые марксисты-востоковеды смотрели на Восток по новому: «На первый план выдвинулся не Восток седой древности, ассиро-вавилонян или мидян, не Восток экзотический, приятно щекочущий воображение буржуазного общества своей таинственностью или фантастической роскошью, но Восток новый, живой и страдающий, Восток колониальный, стремящийся к освобождению от империалистической плети. Современный Восток перестал быть страной для туристов; в связи с экономической трансформацией в нем началась перестройка всего социального организма, влекущая

¹ Бороздин И. М. П. Павлович и Всесоюзная научная ассоциация востоковедения / Памяти М. П. Павловича (Вельтмана): сб. статей. М.: Изд. НАВ при ЦИК СССР, 1928. С. 47–55.

² Устав Всероссийской научной ассоциации востоковедения при Народном комиссариате по делам национальностей // Становление советского востоковедения: сб. статей. М.: Наука, 1983. С. 168–173.

³ Павлович М. П. Что такое империализм? Пг.: Жизнь и знание, 1918. С. 118.

⁴ Павлович М. П. Азия и ее роль в мировой войне. Пг.: Новая жизнь, 1918. С. 5.

за собой, разумеется, революцию в быту и психологии восточных народов»¹. Таким образом, Восток репрезентировался советскими учеными, как проснувшийся от долгого летаргического сна. Восток превращался в пространство, открытое к стремительным переменам во всех сферах жизни.

В 1922 году при ВНАВ был учрежден журнал «Новый Восток». В его редакционную коллегию вошли в основном революционеры, которые имели отношение к «советскому» или «глобальному Востоку». Можно выделить заместителя комиссара по делам национальностей РСФСР Г. И. Бройдо, который также занимал руководящие посты в среднеазиатских республиках. В редакционную коллегию входил начальник разведывательного управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), работник НКВД и специалист по Китаю и Японии Б. Н. Мельников, а также литератор С. Л. Вельтман, востоковеды И. Н. Бороздин и В. А. Гурко-Кряжин². Последний, в дополнение ко всему, служил в Академии генерального штаба РККА и сотрудничал с НКВД.

«Новый Восток» являлся «толстым» журналом и выходил несколько раз в год. Целью журнала было ознакомление широких масс в СССР с историей «национально-освободительной борьбы колоний против западных держав»³. Тесная взаимосвязь ВНАВ и журнала с советской властью, надо полагать, должна была придавать уверенности востоковедам в востребованности их знаний, а также повышать их статус и значимость, поскольку они были привлечены к работе во благо интересов государства и общества, чего ученые безуспешно пытались добиться в дореволюционный период⁴. «Новый Восток» просуществовал 8 лет — с 1922 по 1930 год. Всего было выпущено 29 номеров. До своей смерти главным редактором был М. П. Павлович, затем его место занял революционер и чиновник высшего ранга НКН С. М. Диманштейн.

М. П. Павлович задал Востоку невиданные прежде географические рамки: «Восток — это не только угнетенный азиатский мир. Восток — это весь колониальный мир, мир угнетенных народов не только Азии, но и Африки и Южной Америки, одним словом, весь тот мир, на эксплуатации которого покоится мощь капиталистического общества

¹ Штейнберг Е. Востоковедение в Советском Союзе // Правда Востока. 1 декабря 1927 г. № 274. С. 2.

² Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М. Всесоюзная научная ассоциация востоковедения 1921–1930 (к 60-летию со дня основания) // Становление советского востоковедения: сб. статей. М.: Наука, 1983. С. 131–163.

³ Проспект издательства «Новый Восток» Научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР. М.: Мосполиграф, 1926. С. 3–4.

⁴ Тольц В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в поздней имперской и раннесоветской период / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 129–130.

Европы и США»¹. Свое объяснение нетривиальным географическим рамкам Востока приводил Г. И. Бройдо: «В буржуазной литературе часто встречается понятие “Восток” как часть мира, обладающая рядом черт. “Восток” характеризуется как страна с населением ленивым, вороватым, лживым, подверженным порокам. Буржуазные ученые находят “научное” объяснение. По их мнению, жаркий климат является причиной этих особенностей. В этих объяснениях кроется классовый интерес признать вечными эти “свойства” Востока и скрыть действительную причину происхождения этих “свойств”. Первым делом, при ближайшем рассмотрении вопроса, мы увидим, что нет единого Востока»². Г. И. Бройдо под «Востоком» понимал капиталистическую Японию, колониальный Китай, станы Магриба, Сибирь и Латинскую Америку. Г. И. Бройдо писал, что «причины отсталости “народов Востока” — не в том, что они на Востоке, или расположены в жарком климате, а в деятельности мировой буржуазии, в том, что эти страны являются колониями. То, что буржуазная наука называет Востоком, то на языке марксистском называется колониальным миром»³.

Новаторские для своего времени идеи советских востоковедов с нестандартным геолоцированием Востока созвучны с концепцией «глобального Юга». Она получила развитие в трудах социологов-марксистов, например, И. Валлерстайна, который сквозь призму мирсистемного анализа рассматривает противостояние богатого капиталистического Севера и бедного, совсем недавно освободившегося от колониальной зависимости, Юга⁴. Другие социологи-марксисты, дополняя эту концепцию, отмечают противостояние богатого евроатлантического мира «глобальной периферии», куда входят страны и континенты, которые отличаются траекторией своего социально-экономического развития от Европа и США⁵. Более современная трактовка этой концепции представляется как формирование трудно уловимого не географического, а эпистемологического понятия «глобальный Восток», который противостоит интеллектуальной и финансово-технологической экспансии «глобального Запада»⁶.

М. П. Павлович считал, что дореволюционная Россия стояла в одном ряду с западными колониальными державами, стремясь экс-

¹ Павлович М. Задачи Всероссийской научной ассоциации востоковедения // Новый Восток. 1922. № 1. С. 3–15.

² Бройдо Г. И. Национальный и колониальный вопрос. М.: Московский рабочий, 1924. С. 57–58.

³ Там же. С. 59–59.

⁴ Валлерстайн И. Мирсистемный анализ: введение / пер. с англ. Н. Тюкиной. М.: Территория будущего, 2006. С. 24–25.

⁵ Кагарлицкий Б. Ю. От империи – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. С. 434–445.

⁶ Мюллер М. Разыскивая Глобальный Восток: мышление между Севером и Югом // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3. С. 19–43.

плуатировать ресурсы Востока¹. Например, царской России было невыгодно развитие железнодорожной инфраструктуры в Османской империи, потому что это привело бы к «экономическому и культурному возрождению страны, превращению ее в сильное государство, способное не только защищать неприкосновенность своей территории, но и бороться с Россией за влияние в Средней Азии и Персии»².

ВНАВ не забывал и о «советском Востоке». В 1922 году ассоциация поддержала предложение бывшего полномочного представителя в Кабуле Я. З. Сурица о создании филиала ВНАВ в Ташкенте при поддержке НКН и Народного комиссариата внешней торговли (НКВТ) для изучения истории, культуры и экономики региона, а также прилегающих к нему стран³. Так началось становление советского «прикладного востоковедения». В современную историографию этот термин вошел как «прикладной ориентализм». Применительно к Средней Азии термин был использован А. Моррисоном⁴. Под ним исследователь понимает действия русских колониальных властей в Средней Азии по изучению общества, языка и культуры коренных жителей для того, чтобы держать их в повиновении⁵. Есть исследования, которые посвящены советскому «прикладному ориентализму». М. Кемпер считает, что ВНАВ лишь декларировала, что порвала с колониальным восприятием «Востока»⁶. Автор указывает на состав редакции журнала «Новый Восток», в котором не было ни одного представителя «восточных обществ» советской России. Таким образом, делает вывод М. Кемпер, ВНАВ была политическим проектом большевиков, в основе которого лежали ориенталистские репрезентации «Востока», смешанные с классовым подходом, что способствовало формированию «красного ориентализма»⁷.

В задачи настоящего исследования входит анализ репрезентаций советской Средней Азии в журнале «Новый Восток», а также изучение проектов, в которых были задействованы сотрудники ВНАВ. Изучение интеллектуального наследия советских ученых-марксистов выводит на проблему взаимодействия власти и знания. В 1920-е гг. большевикам требовалась помощь востоковедов, чтобы, опираясь на их знания, попытаться понять, насколько географически и этнически

¹ Павлович М. Задачи Всероссийской научной ассоциации востоковедения. С. 3–15.

² Павлович М. П. Азия и ее роль в мировой войне. С. 57.

³ Павлович М. Задачи Всероссийской научной ассоциации востоковедения. С. 3–15.

⁴ Morrison A. «Applied Orientalism» in British India and Tsarist Turkestan // *Comparative Studies in Society and History*. 2009. Vol. 51. No. 3. P. 619–647.

⁵ Ibid. P. 619–647.

⁶ Kemper M. Red Orientalism. Mikhail Pavlovich and Marxist Oriental Studies in Early Soviet Russia // *Die Welt des Islams*. 2010. No. 50. P. 435–476.

⁷ Kemper M. The Soviet Discourse on the Origin and Class Character of Islam, 1923–1933 // *Die Welt des Islams*. 2009. No. 49. P. 1–48.

разнообразна Средняя Азия. Появилась необходимость сформировать представление, какими народами и пространствами управляют большевики и что можно сделать для экономической модернизации и культурного развития региона.

Экономика

Первой статьей, посвященной Средней Азии, в «Новом Востоке» была работа специалиста по истории права С. А. Котляревского. В ней он анализировал договоры, заключенные РСФСР с Хорезмом (12 сентября 1920 г.) и Бухарой (20 марта 1921 г.). По мнению правоведа, договоры были выгодны заинтересованным сторонам, поскольку сохраняли естественные экономические связи новых республик с Туркестанской автономной советской социалистической республикой (ТАССР) и РСФСР: «Создавая необходимое хозяйственное единство, договор с Хорезмом и Бухарой предоставляет им полную внутреннюю самостоятельность. Договор обеспечивает от того, чтобы эти части Средней Азии стали объектами той централизующей нивелирующей политики, которая лишена понимания хозяйственного и культурного своеобразия края. Само собой разумеется, весьма важно, чтобы эта политика проводилась вполне сознательно не только Бухарой и Хорезмом, но и в пределах всего Туркестана, который представляет из себя единый мир»¹. Иными словами, советские договоры с Хорезмом и Бухарой предоставляли республикам ограниченную культурную автономию, но экономические связи должны были формировать единое фискальное пространство с РСФСР.

О советской политике в Средней Азии писал Г. И. Бройдо. Его статья была ответом на публикацию, вышедшую в британском журнале «Contemporary Review» под авторством Павла Ольберга². Г. И. Бройдо пытался опровергнуть тезисы британского журналиста о том, что Туркестан — это край с неразвитой промышленностью, а также о его насильственной советизации. Противопоставить что-либо этим тезисам было сложно. Г. И. Бройдо замечал, что регион еще до завоевания Российской империей был аграрным. Он предлагал «британским империалистам» сначала посмотреть на себя и только потом упрекать советскую Россию в захвате Туркестана силой Красной армии³. Однако, вспомним, что большевики силой установили контроль над

¹ Котляревский С. Правовые достижения России в Азии // Новый Восток. 1922. № 1. С. 34–44.

² Бройдо Г. И. Наша туркестанская политика и английская журналистика // Новый Восток. 1922. № 2. С. 75–82.

³ Там же. С. 75–82.

Кокандом в 1918, а над Бухарой и Хивой — в 1920 году¹. Другой автор «Нового Востока» — Д. Соловейчик, как бы в поддержку Г. И. Бройдо, указывал, что басмачество черпало поддержку со стороны англичан².

В дополнение к словам об экономическом состоянии региона, можно сослаться на статью К. Зубрека, который затрагивал проблемы равномерного распределения ресурсов между новыми республиками Средней Азии³. Статья указывает на то, что большевики вынужденно создали в регионе гибридную экономическую систему, которой было трудно управлять. В Хорезме было много типов землевладения, например, *вакфы* и *мульки*, а также национализированные после Октябрьской революции участки, что создавало путаницу. Чтобы ее преодолеть в 1922 году был создан *Зираат-назир* — народный комисариат по управлению земледелием и ирригацией в Хорезмской республике. Для ускоренной модернизации аграрной отрасли, К. Зубрек предлагал связать *Зираат-назир* с подобными ведомствами ТАССР и РСФСР⁴. Это было важно для благосостояния жителей Хорезмской области и Хивы, где, по разным оценкам, от 60% до 85% населения занимались поливным земледелием⁵.

С несколько неожиданной стороны к вопросу экономического развития региона подошел К. Старков. Вдохновляясь идеями М. П. Павловича и историей Средней Азии, он предлагал возродить караванные пути, модернизировав их при помощи прокладки железных дорог, а также возведя на станциях в приграничье с Афганистаном, Ираном и Китаем караван-сарай⁶. Целесообразность проекта К. Старков объяснял так: «Сам караван-сарай напоминает старинные крепости. В архитектурном отношении представляет несложную глинобитную постройку. Караван-сарай играют колоссальную роль в торговом отношении, т. к. через них происходит весь экспорт и импорт товаров. Караван-сарай в то же самое время служат и информационным местом как для рынка, так и населения в смысле слухов о происходящем далеко за пределами Азии. Здесь комментируются всякие политические и иные события, здесь же происходят разные торговые сделки. Караван-сарай как в больших, так и малых торговых городах являются центральным пунктом жизни коммер-

¹ Беккер С. Россия в Центральной Азии. Бухарский эмират и Хивинское ханство при власти императоров и большевиков, 1865–1924 / пер. с англ. Е. А. Гонсалес-Менендес. М.: Центрполиграф, 2024. С. 325.

² Соловейчик Д. Революционная Бухара // Новый Восток. 1922. № 2. С. 272–288.

³ Зубрек К. Земледелие и ирригация Хорезма в связи с вопросом экономического объединения среднеазиатских республик // Новый Восток. 1923. № 3. С. 208–219.

⁴ Там же. С. 208–219.

⁵ Скалов Г. Хивинская революция 1920 года // Новый Восток. 1923. № 3. С. 241–257; Левин А. Г. Финансы Хорезма // Новый Восток. 1923. № 4. С. 250–257.

⁶ Старков К. Караванные пути и караван-сарай в Средней Азии // Новый Восток. 1924. № 6. С. 196–204.

сантов Востока, а в пустынях для кочевников — почтой и телеграфом. На границах караван-сарай могут выполнять задачи Восточной торговой палаты, Внешторга, Внутторга, ВСНХ и кооперативов, кроме того, можно поставить радиотелеграф и почту, устроить аэродромы со складами»¹. Для взаимосвязи мировых рынков, К. Старков предлагал создать в Москве Центральный караван-сарай, что должно было упрочить экономическое и идеологическое влияние советской России на Востоке.

Кроме того, К. Старков предлагал среднеазиатским республикам задуматься об использовании водных артерий региона. В сети каналов, отведенных от реки Амударья для орошения кызылкумских песков, а из реки Чу для создания в Голодной степи пахотных оазисов, виделись новые экономические перспективы². Предлагалось соединить реки Амударья, Сырдарья, Чу и Или с озером Иссык-Куль для создания нового караванного пути из Китая в Туркестан. Выдвигая проект по созданию «новых» караванных путей или по объединению среднеазиатских рек и озер, К. Старков оправдывал это выгодой для рынков РСФСР, новых республик, а также Китая³.

Однако ни один из предложенных проектов не претворили в жизнь. Позднее С. Защук писал, что торговля Средней Азии с сопредельными странами развита плохо, в регионе отсутствуют мощности по переработке, поэтому он рискует превратиться в сырьевой придаток РСФСР⁴. Иначе говоря, потерять свою экономическую самостоятельность, и, в логике востоковедов-марксистов, стать «внутренней советской колонией». С. Защук советовал властям среднеазиатских республик инвестировать в транспортную инфраструктуру: «Сооружение путей сообщения должно стать очередной задачей дня, разрешение которой обеспечит дальнейший рост торговли, отвечающий интересам как народов Советского Союза, так и народов дружественных стран Среднего Востока»⁵.

В 1924 году завершился первый этап национально-территориального размежевания Средней Азии, который затрагивал экономические интересы региона. В «Новом Востоке» национально-территориальному размежеванию была посвящена статья И. Ходорова, в которой разобрана логика проведения границ в Средней Азии⁶. Ав-

¹ Старков К. Караванные пути и караван-сарай в Средней Азии // Новый Восток. 1924. № 6. С. 196–204.

² Старков К. Туркестано-китайский водный путь // Новый Восток. 1924. № 5. С. 185–189.

³ Там же.

⁴ Защук С. Торговля Средней Азии с сопредельными странами Востока // Новый Восток. 1928. № 20–21. С. 218–240.

⁵ Там же.

⁶ Ходоров И. Национальное размежевание Средней Азии // Новый Восток. 1925. № 8–9. С. 65–81.

тор писал, что были сформированы специальные комиссии, которые долгое время не могли решить, какой принцип должен лечь в основу проведения новых границ — национально-политический или экономический. В итоге договорились подходить к каждому случаю индивидуально¹.

Комиссиям осложняли работу «повсеместное перемешивание населения» и «вкрапления национальных меньшинств». Сложным вопросом оказалось определить, к какой республике должен относиться крупный культурный центр — Ташкент. И. Ходоров пишет, что в этом случае был достигнут компромисс², но не уточняет, с кем и на каких условиях. Кажется, речь идет о договоренностях, которые, как полагают исследователи, были достигнуты советским правительством и академическим сообществом с мусульманскими реформаторами («джадидами») и коммунистами-мусульманами³. И. Ходоров признает, что наиболее густонаселенной и развитой в экономическом и культурном плане оказалась Узбекская ССР, завладевшая Ташкентом, Самаркандом, Бухарой, Хорезмом, Хивой и Кокандом. Остальные республики оказались бедными по территориальным, экономическим и культурным характеристикам. С. Н. Абашин также считает, что главной республикой Средней Азии стал Узбекистан, появление которого было результатом уступок Москвы «джадидам»⁴. Таким образом, национально-территориальное размежевание Средней Азии привело к экономическому и политическому дисбалансу в регионе. Несмотря на асимметрию в ресурсах новых республик, И. Ходоров считал размежевание успешным. Республики получили возможность сформировать собственную культуру и развивать приоритетные отрасли экономики, независимый друг от друга бюджет⁵.

Культура

Проекты в сфере развития культуры народов Средней Азии в «Новом Востоке» обсуждались редко. С точки зрения марксистов, культура относится к надстройке, а модернизировать они хотели

¹ Ходоров И. Национальное размежевание Средней Азии // Новый Восток. 1925. № 8–9. С. 65–81.

² Там же.

³ Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940 / пер. с фр. Э. Кустовой. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 152–153; Тольц В. «Собственный Восток России». С. 93–98; Халид А. Национально-территориальное размежевание Средней Азии / Ислам в России и Евразии XVI–XXI вв. (памяти Дмитрия Юрьевича Арапова) / сост. и отв. ред. Т. В. Котюкова. СПб.: Алетейя, 2021. С. 395–415.

⁴ Абашин С. Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя, 2007. С. 186–187.

⁵ Ходоров И. Национальное размежевание Средней Азии. С. 65–81.

базис — экономику — производственные отношения. Наибольшее количество статей в журнале было посвящено Турции и Китаю — ближайшим экономическим и политическим партнерам советской России. Средняя Азия являлась маргинальным сюжетом. В. А. Гурко-Кряжин в 1925 году по заданию ВНАВ совершил экспедицию по республикам Закавказья и Средней Азии для того, чтобы ознакомиться с регионами и понять, какие там происходят изменения. Вернувшись в Москву, он с недоумением констатировал: «К сожалению, в центре очень мало знают об интенсивной научной работе, которая ведется на восточных окраинах Союза. Широкие читающие круги Москвы очень плохо ориентируются в сложной хозяйственно-государственной и культурной работе в Закавказье и Средней Азии. В московских книжных лавках вы не сможете достать издания из Азербайджана или Узбекистана. Даже в “Новом Востоке” материалы по Закавказью и Средней Азии имеют случайный и явно недостаточный характер»¹.

Ученый утверждал, что «советский Восток» изучен хуже, чем зарубежный. Для образованной публики Москвы Закавказье и Средняя Азия — это экзотические и культурно чуждые земли. Ранее это подмечал другой автор журнала, который описывал туркестанский павильон на I Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Москве в 1923 году: «Это не Россия, это совершенно самостоятельная и далекая, по культуре чисто восточная страна, на которой влияние России скользнуло только в технике, да и то не везде»².

В. А. Гурко-Кряжин был поражен размахом реформ на «советском Востоке»: «Оазисы Средней Азии переживают сейчас огромный переворот буквально во всех сторонах жизни. Политическим выражением этого сдвига является государственное размежевание. Экономическое выражение того же процесса мы наблюдаем в восстановлении сельского хозяйства. Культурным воплощением происходящего переворота является неслыханная по размерам просветительская работа среди масс туземного населения в области создания литературного языка, национальной школы, антирелигиозной пропаганды. Борьба за раскрепощение женщины, за снятие с нее кошмарной вековой чадры из конского волоса дополняет картину просветительно-пропагандистской работы»³. Восхищение было несколько преувеличено. Из перечисленного реальные успехи были только у проекта по национально-территориальному размежеванию. Остальные реформы,

¹ Гурко-Кряжин В. А. Поездка в Закавказье и Среднюю Азию // Новый Восток. 1925. № 7. С. 363–375.

² Скачко А. Восточные республики на сельскохозяйственной выставке СССР в 1923 году // Новый Восток. 1923. № 4. С. 482–493.

³ Гурко-Кряжин В. А. Поездка в Закавказье и Среднюю Азию. С. 363–375.

особенно по раскрепощению мусульманок, вызывали отторжение от советской власти среди коренных жителей региона¹.

Поражали востоковеда и работы по спасению культурного наследия региона, которые с 1919 года проводила Туркестанская комиссия по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис), а также восточный факультет Среднеазиатского государственного университета (САГУ). В. А. Гурко-Кряжин подчеркивал тяжелые условия работы в Самарканде: «Необходимо отметить, что деятельность научных учреждений и отдельных работников ведется в чрезвычайно тяжелых условиях. Благодаря этому сплошь да рядом, те или иные работы являются научным героизмом»². Главным препятствием развитию востоковедения в Средней Азии ученый называл отсутствие связи с вузами Москвы и Ленинграда, что было давней проблемой региона.

В. А. Гурко-Кряжин в культурных и научных проектах видел прикладное значение — строительство национальных культур новых республик Средней Азии. В создании их уникальных образов использовали материальные и духовные ценности. Ведущую роль в формировании национальных культур играл Туркомстарис³. В 1923 году комиссия была переименована в Средазкомстарис, а в 1928 году в Узкомстарис. В. Тольц и С. Горшенина отмечают, что деятельность советских научных организаций по сохранению среднеазиатских монументальных сооружений была направлена на формирование национальной идеи новых республик, а искусствоведческие и эстетические намерения были вторичными⁴. О политической мотивации этой деятельности писал и архитектор Б. Н. Засыпкин: «Наряду с изучением истории Средней Азии, быта ее народов, необходимо углубленное исследование памятников этого края, так как оно поможет нам в деле культурного строительства молодых республик»⁵.

Б. Н. Засыпкин отмечал, что после Октябрьской революции многие работы по восстановлению памятников, например, дворца Худа-

¹ *Шерстюков С. А.* «Раскрепощение» мусульманских женщин в Центральной Азии: стратегии сопротивления и способы адаптации (1920–1930-е гг.) // Народы и религии Евразии. 2020. № 4(25). С. 148–160.

² *Гурко-Кряжин В. А.* Поездка в Закавказье и Среднюю Азию. С. 363–375.

³ *Шамукарамова Ф.* Роль В. Л. Вяткина в изучении и сохранении памятников культуры Самарканда // O'zbekiston tarixi. 2009. № 3. С. 46–51; *Tolz V.* Imperial Scholars and Minority Nationalisms in Late Imperial and Early Soviet Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2009. Vol. 10. No. 2. P. 261–290; *Горшенина С. М.* Туркомстарис-Средазкомстарис-Узкомстарис: формирование институций и этноцентрический раздел культурного наследия Средней Азии // *Этнографическое обозрение*. 2013. № 1. С. 52–68; *Шамукарамова Ф.* Проблемы организации охраны и реставрации памятников культуры Узбекистана в 1917–1924 годы // O'zbekiston tarixi. 2015. № 1. С. 78–88.

⁴ *Gorshenina S., Tolz V.* Constructing Heritage in Early Soviet Central Asia: The Politics of Memory in a Revolutionary Context // *Ab imperio*. 2016. № 4. P. 77–115.

⁵ *Засыпкин Б. Н.* Изучение древних сооружений Средней Азии // *Новый Восток*. 1925 № 10–11. С. 257–270.

ярхана (годы строительства 1865–1870) в Коканде или мавзолея Абди Даруна в Самарканде (возведен в XII веке) были проведены небрежно, в результате чего пострадал исторический облик сооружений¹. В. Л. Вяткин, еще в дореволюционный период занимавшийся архитектурно-археологическими изысканиями в Самарканде, а затем получивший пост руководителя Туркомстариса, в 1920-е проводил исследования в координации с ВНАВ. Например, ему удалось установить, что мавзолей Абди Даруна перестраивался дважды, а медресе Тилля-кари (XVII век) возведено на месте более древнего сооружения. Наиболее сложная работа, по мнению Б. Н. Засыпкина, проведена В. Л. Вяткиным совместно с инженером В. Г. Шуховым по выравниванию минарета медресе Улугбека (XV век), которое входит в ансамбль Регистан, а также по реставрации комплекса Шахи-Зинда (XI–XV вв.)².

Во второй половине 1920-х, архитектурно-археологические исследования и восстановительные работы Средазкомстариса и ВНАВ проводились уже в Бухаре, Фергане, Термезе, Шахрисябзе, Хиве и Хорезме³. На различных памятниках старины трудились руководитель Центрального управления архивным делом (Цуардело) Узбекской ССР Д. И. Нечкин, археолог М. Е. Массон, востоковеды М. С. Андреев и В. В. Бартольд⁴. Наиболее плодотворной оказалась экспедиция в Термез, предпринятая в 1927 году. Руководство ею осуществлял искусствовед Б. П. Денике, также в ее состав входил Б. Н. Засыпкин, искусствовед П. Е. Корнилов из московского Музея восточных культур, В. Л. Вяткин⁵.

Обмеры проводились на архитектурном ансамбле Султан Саодат (IX–XVII вв.), который включает в себя *мазар*, *ханак*у Кокильдора, а также в замке Кырк-Кыз⁶, на буддийской ступе Зурмала, мавзолее суфия ат-Термези (755–869) и Ширабадском минарете⁷. При раскопках на мазаре, помимо привычных конусообразных глиняных сосудов, стрел и черепков, был найден необычный артефакт — терракотовая статуэтка. По словам В. Л. Вяткина, терракотовые фигурки никогда не находили в Термезе, в основном на городище Афрасиаб в Самарканде

¹ Засыпкин Б. Н. Изучение древних сооружений Средней Азии // Новый Восток. 1925 № 10–11. С. 257–270.

² Там же.

³ Бороздин И. Изучение культур советского Востока // Новый Восток. 1927. № 19. С. II–LX.

⁴ Исакова М. С. Д. И. Нечкин и становление государственной архивной службы Узбекистана (1917–1923 гг.) // Отечественные архивы. 2009. № 6. С. 8–14.

⁵ Денике Б. Термез (Работы экспедиции Музея восточных культур в 1927 г.) // Новый Восток. 1927. № 19. С. 208–223.

⁶ Название замка — «Сорок дев» связывают с легендой о существовании в Средней Азии воительниц-амазонок. Однако, по всей видимости, это была летняя резиденция правителей династии Саманидов (875–999). См.: Пугаченкова Г. Термез, Шахрисябс, Хива. М.: Искусство, 1976. С. 23–26.

⁷ Денике Б. Термез. С. 208–223.

и Мерве. В. Л. Вяткин сделал заключение, что терракотовые статуэтки — «это неоспоримое доказательство долго сохранявшегося эллинского влияния на культуру и искусство Средней Азии»¹.

При раскопках в замке Кырк-Кыз были обнаружены фрагменты древних колонн, которые ученые датировали концом IX века. Их особенностью были нетипичные для региона орнаменты². Экспедиция в Термез, которая была организована в 1928 году, уточнила датировку замка — в действительности он относился к раннеисламской эпохе в Средней Азии³. В 1927 году на раскопках городища Джаркурган был обнаружен неизвестный ранее минарет XIII века, который по стилю оказался похож на монументы эпохи династии Гуридов (1148–1215). А. С. Стрелковым был обнаружен фрагмент буддийской скульптуры у подножья городища Чингизтепе. Этой находкой удалось подтвердить сведения древнекитайского историка Сюаньцзана (602–664), что на территории Термеза располагался крупный буддийский центр⁴.

Экспедиции в Термез продолжили дореволюционную традицию изучения историко-культурного наследия на территории, которая стала принадлежать Узбекской ССР⁵. По верному замечанию С. Горшениной, изучение историко-культурного наследия Узбекской ССР в 1920-е гг. позволило «привязать памятники к национальным территориям, советская власть при помощи русифицированных элит подготовила почву для националистических интерпретаций прошлого, которые начали появляться в 1940-е г. Анализ материальных памятников прошлого отныне был возможен только в республиканских рамках»⁶.

Представляется, что реставрация памятников старины в Узбекской ССР имела в равной степени прикладное политическое и культурное значение. Объекты, восстановленные локальными специалистами и сотрудниками ВНАВ, кристаллизовали самосознание граждан Узбекской ССР как «других», непохожих на тех, кто проживает в соседних республиках. Помимо всего прочего, действия советской власти по спасению архитектурно-археологических объектов способствовали более осозанному отделению культур коренных жителей региона от местных «европейцев» (русских, украинцев, поляков, евреев, татар

¹ Вяткин В. Л. Афрасиаб. Городище былого Самарканда. Археологический очерк. Ташкент: Изд. Наркомпроса УзССР, 1926.

² Денике Б. Термез. С. 208–223.

³ Засыпкин Б. Памятники монументального искусства советского Востока. М.: Academia, 1931. С. 24.

⁴ Денике Б. Искусство Средней Азии / пред. И. Н. Бороздина. М.: Центральное издательство народов СССР, 1927. С. 44–45.

⁵ Шамукарамова Ф. К истории первой совместной археологической экспедиции Музея восточных культур и Туркомстариса в Термезе: симбиоз ученых // Взгляд в прошлое. 2022. Т. 5. № 11. С. 11–20.

⁶ Горшенина С. М. Туркомстарис-Средазкомстарис-Узкомстарис. С. 52–69.

и др.). Однако при этом уже в 1930-е гг. государство предпринимало усилия, чтобы создать универсальную советскую идентичность, органичной частью которой должна была стать национальная.

Заключение

Итак, ассоциация востоковедения создавалась как подконтрольный государству исследовательский центр, который при помощи экспертных знаний ученых должен был решать задачи по осуществлению политических проектов большевиков на «советском Востоке». Это не было тайной, ведь как было показано в исследовании, сотрудники ВНАВ знали, что государство использует их знания для решения прикладных задач, и, не скрывая, писали об этом в своих работах. Сотрудники ВНАВ на примере национально-территориального размежевания и восстановления среднеазиатских архитектурных шедевров доказали, что взаимосвязь власти и науки — это успешный симбиоз. Искусствоведческое описание и реставрация памятников не были главной миссией сотрудников ВНАВ, которые занимались обслуживанием идеологических интересов государства. Но при этом у востоковедов никто не отнимал возможность заниматься исключительно научными изысканиями, которые имели опосредованную связь с национальной политикой советской власти в Средней Азии. В то же время экономические проекты сотрудников ВНАВ оказались нереализуемы. В конце 1920-х Средняя Азия оставалась аграрной окраиной, отстающей в развитии тяжелой промышленности и транспортной инфраструктуры, в чем видели ключ к экономическому процветанию востоковеды-марксисты, которые опирались на идеи М. П. Павловича. Отсутствие политической воли у руководства среднеазиатских республик и скудные материальные ресурсы не позволили провести экономическую модернизацию по лекалам ВНАВ. Анализ статей в «Новом Востоке» позволяет составить представление, что в 1920-е Средняя Азия апроприировалась советским востоковедением по кусочкам, представляя калейдоскоп отрывочных знаний о регионе, которые тогда было трудно сложить в единый пазл.

Литература

Абашин С. Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя, 2007. 304 с.

Беккер С. Россия в Центральной Азии. Бухарский эмират и Хивинское ханство при власти императоров и большевиков, 1865–1924 / пер. с англ. Е. А. Гонсалес-Менендес. М.: Центрполиграф, 2024. 351 с.

Бороздин И. Изучение культур советского Востока // Новый Восток. 1927. № 19. С. II–LX.

Бороздин И. М. П. Павлович и Всесоюзная научная ассоциация востоковедения // Памяти М. П. Павловича (Вельтмана): сб. статей. М.: Изд. НАВ при ЦИК СССР, 1928. С. 47–55.

Бройдо Г. И. Наша туркестанская политика и английская журналистика // Новый Восток. 1922. № 2. С. 75–82.

Бройдо Г. И. Национальный и колониальный вопрос. М.: Московский рабочий, 1924. 128 с.

Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение / пер. с англ. Н. Тюкиной. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.

Вяткни В. Л. Афрасиаб. Городище былого Самарканда. Археологический очерк. Ташкент: Изд. Наркомпроса УзССР, 1926. 65 с.

Горшенина С. М. Туркомстарис-Средазкомстарис-Узкомстарис: формирование институций и этноцентрический раздел культурного наследия Средней Азии // Этнографическое обозрение. 2013. № 1. С. 52–68.

Гурко-Кряжин В. А. Поездка в Закавказье и Среднюю Азию // Новый Восток. 1925. № 7. С. 363–375.

Денике Б. Термез (Работы экспедиции Музея восточных культур в 1927 г.) // Новый Восток. 1927. № 19. С. 208–223.

Денике Б. Искусство Средней Азии. М.: Центральное издательство народов СССР, 1927. 92 с.

Засыпкин Б. Н. Изучение древних сооружений Средней Азии // Новый Восток. 1925 № 10–11. С. 257–270.

Засыпкин Б. Памятники монументального искусства советского Востока. М.: Academia, 1931. 49 с.

Защук С. Торговля Средней Азии с сопредельными странами Востока. *Новый Восток.* 1928. № 20–21. С. 218–240.

Зубрек К. Земледелие и ирригация Хорезма в связи с вопросом экономического объединения среднеазиатских республик // Новый Восток. 1923. № 3. С. 208–219.

Исакова М. С. Д. И. Нечкин и становление государственной архивной службы Узбекистана (1917–1923 гг.) // Отечественные архивы. 2009. № 6. С. 8–14.

Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940 / пер. с фр. Э. Кустовой. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 336 с.

Кагарлицкий Б. Ю. От империи — к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. 680 с.

Котляревский С. Правовые достижения России в Азии // Новый Восток. 1922. № 1. С. 34–44.

Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М. Всесоюзная научная ассоциация востоковедения 1921–1930 (к 60-летию со дня основания) // Становление советского востоковедения: сб. статей. М.: Наука, 1983. С. 131–163.

Левин А. Г. Финансы Хорезма // Новый Восток. 1923. № 4. С. 250–257.

Мюллер М. Разыскивая Глобальный Восток: мышление между Севером и Югом // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3. С. 19–43.

Павлович М. П. Что такое империализм? Пг.: Жизнь и знание, 1918. 173 с.

Павлович М. П. Азия и ее роль в мировой войне. Петербург: Новая жизнь, 1918. 71 с.

Павлович М. Задачи Всероссийской научной ассоциации востоковедения // Новый Восток. 1922. № 1. С. 3–15

Проспект издательства «Новый Восток» Научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР. М.: Мосполиграф, 1926. 31 с.

Пугаченкова Г. Термез, Шахрисябс, Хива. М.: Искусство, 1976. 206 с.

Скалов Г. Хивинская революция 1920 года // Новый Восток. 1923. № 3. С. 241–257.

Скачко А. Восточные республики на сельскохозяйственной выставке СССР в 1923 году // Новый Восток. 1923. № 4. С. 482–493.

Старков К. Туркестано-китайский водный путь // Новый Восток. 1924. № 5. С. 185–189.

Старков К. Караванные пути и караван-сарай в Средней Азии // Новый Восток. 1924. № 6. С. 196–204.

Соловейчик Д. Революционная Бухара // Новый Восток. 1922. № 2. С. 272–288.

Тольц В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.

Устав Всероссийской научной ассоциации востоковедения при Народном комиссариате по делам национальностей / Становление советского востоковедения: сб. статей. М.: Наука, 1983. С. 168–173.

Халид А. Национально-территориальное размежевание Средней Азии / Ислам в России и Евразии XVI–XXI вв. (памяти Дмитрия Юрьевича Арапова) / отв. ред. Т. В. Котюкова. СПб.: Алетейя, 2021. С. 395–415.

Ходоров И. Национальное размежевание Средней Азии // Новый Восток. 1925. № 8–9. С. 65–81.

Шамукарамова Ф. Роль В. Л. Вяткина в изучении и сохранении памятников культуры Самарканда // O'zbekiston tarixi. 2009. № 3. С. 46–51.

Шамукарамова Ф. Проблемы организации охраны и реставрации памятников культуры Узбекистана в 1917–1924 годы // O'zbekiston tarixi. 2015. № 1. С. 78–88.

Шамукарамова Ф. К истории первой совместной археологической экспедиции Музея восточных культур и Туркомстариса в Термезе: симбиоз ученых // Взгляд в прошлое. 2022. Т. 5. № 11. С. 11–20.

Шерстюков С. А. «Раскрепощение» мусульманских женщин в Центральной Азии: стратегии сопротивления и способы адаптации (1920–1930-е гг.) // Народы и религии Евразии. 2020. № 4 (25). С. 148–160.

Штейнберг Е. Востоковедение в Советском Союзе // Правда Востока. 1 декабря 1927 г. № 274. С. 2.

Gorshenina Svetlana, Tolz Vera. Constructing Heritage in Early Soviet Central Asia: The Politics of Memory in a Revolutionary Context // Ab imperio. 2016. № 4. Pp. 77–115.

Kemper Michael. The Soviet Discourse on the Origin and Class Character of Islam, 1923–1933 // Die Welt des Islams. 2009. Iss. 49. Pp. 1–48.

Kemper Michael. Red Orientalism. Mikhail Pavlovich and Marxist Oriental Studies in Early Soviet Russia // Die Welt des Islams. 2010. Iss. 50. Pp. 435–476.

Morrison Alexander. «Applied Orientalism» in British India and Tsarist Turkestan // Comparative Studies in Society and History. 2009. Vol. 51. Iss. 3. Pp. 619–647.

Tolz Vera. Imperial Scholars and Minority Nationalisms in Late Imperial and Early Soviet Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2009. Vol. 10. Iss. 2. Pp. 261–290.

References

- Abashin S. N. (2007). *Nacionalizmy v Srednej Azii: v poiskah identichnosti* [Nationalisms in Central Asia: in Search of Identity]. Saint Petersburg: Aletejya. 304 p.
- Becker S. (2024). *Rossiya v Centralnoj Azii. Buharskij emirat i Hivinskoe hanstvo pri vlasti imperatorov i bolshevikov, 1865–1924* [Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924]. transl. from English by E. A. Gonzalez-Menendez. Moscow: Centrpoligraf. 351 p.
- Borozdin I. (1927). Izuchenie kultur sovetskogo Vostoka [Study of Cultures of the Soviet Orient]. *Novyj Vostok*. No 19. Pp. IL–LX.
- Borozdin I. (1928). M. P. Pavlovich i Vsesoyuznaya nauchnaya asociaciya vostokovedeniya [M. P. Pavlovich and the All-Union Scientific Association of Oriental Studies]. *Pamyati M. P. Pavlovicha (Veltmana): sb. statej*. Moscow: Izd. NAV pri CIK SSSR. Pp. 47–55.
- Brojdo G. I. (1922). Nasha turkestanskaya politika i anglijskaya zhurnalistika [Our Turkestan Politics and English Journalism]. *Novyj Vostok*. No 2. Pp. 75–82.
- Brojdo G. I. (1924). *Nacionalnyj i kolonialnyj vopros* [The National and Colonial Question]. Moscow: Moskovskij rabochij. 128 p.
- Vallerstajjn I. (2006). *Mirosistemnyj analiz: vvedenie* [World-Systems Analysis: An Introduction]. transl. from English by N. Tyukinoj. Moscow: Territoriya budushego. 248 p.
- Vyatknj V. L. (1926). *Afrasiab. Gorodishe bylogo Samarkanda. Arheologicheskij ocherk* [Afrasiab. The Ancient Settlement of Samarkand. An Archaeological Essay]. Tashkent: Izd. Narkomprosa UzSSR. 65 p.
- Gorshenina S. M. (2013). Turkomstaris-Sredazkomstaris-Uzkomstaris: formirovanie institucij i etnocentricheskij razdel kulturnogo naslediya Srednej Azii [Turkomstaris-Sredazkomstaris-Uzkomstaris: the Formation of Institutions and the Ethnocentric Section of the Cultural Heritage of Central Asia]. *Etnograficheskoe obozrenie*. No 1. Pp. 52–68.
- Gurko-Kryazhin V. A. (1925). Poezdka v Zakavkaze i Srednyuyu Aziyu [Trip to Transcaucasia and Central Asia]. *Novyj Vostok*. No 7. Pp. 363–375.
- Denike B. (1927). Termez (Raboty ekspedicii Muzeya vostochnyh kultur v 1927 g.) [Termez (Works of the Expedition of the Museum of Oriental Cultures in 1927)]. *Novyj Vostok*. No 19. Pp. 208–223.
- Denike B. (1927). *Iskusstvo Srednej Azii* [The Art of Central Asia]. Moscow: Centralnoe izdatelstvo narodov SSSR. 92 p.
- Zasyppkin B. N. (1925). Izuchenie drevnih sooruzhenij Srednej Azii [The Study of Ancient Buildings of Central Asia]. *Novyj Vostok*. No 10–11. Pp. 257–270.
- Zasyppkin B. (1931). *Pamyatniki monumentalnogo iskusstva sovetskogo Vostoka* [Heritage of Monumental Art in Soviet Orient]. Moscow: Academia. 49 p.

Zashuk S. (1928). *Torgovlya Srednej Azii s sopredelnymi stranami Vostoka* [Trade of Central Asia with Neighboring Countries of the Orient]. *Novyj Vostok*. No 20–21. Pp. 218–240.

Zubrek K. (1923). *Zemledelie i irrigaciya Horezma v svyazi s voprosom ekonomicheskogo obedineniya sredneaziatskih respublik* [Agriculture and Irrigation of Khorezm in Connection with the Issue of Economic Unification of the Central Asian Republics]. *Novyj Vostok*. No 3. Pp. 208–219.

Isakova M. S. (2009). *Nechkin i stanovlenie gosudarstvennoj arhivnoj sluzhby Uzbekistana (1917–1923 gg.)* [D. I. Nechkin and the Formation of the State Archival Service in Uzbekistan (1917–1923)]. *Otechestvennye arhivy*. No 6. Pp. 8–14.

Kadio Zh. (2010). *Laboratoriya imperii: Rossiya/SSSR, 1860–1940* [Laboratory of the Empire: Russia/USSR, 1860–1940]. transl. from French by E. Kustovoj. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 336 p.

Kagarlickij B. Yu. (2010). *Ot imperii — k imperializmu. Gosudarstvo i vznikhovlenie burzhuznoj civilizacii* [From Empire to Imperialism. The State and the Emergence of Bourgeois Civilization]. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta — Vyshej shkoly ekonomiki. 680 p.

Kotlyarevskij S. (1922). *Pravovye dostizheniya Rossii v Azii* [Legal Achievements of Russia in Asia]. *Novyj Vostok*. No 1. Pp. 34–44.

Kuznecova N. A., Kulagina L. M. (1983). *Vsesoyuznaya nauchnaya asociaciya vostokovedeniya 1921–1930 (k 60-letniyu so dnya osnovaniya)* [All-Union Scientific Association of Oriental Studies 1921–1930 (to the 60th Anniversary of its Foundation)]. *Stanovlenie sovetskogo vostokovedeniya: sb. statej*. Moscow: Nauka. Pp. 131–163.

Levin A. G. (1923). *Finansy Horezma* [Finances of Khorezm]. *Novyj Vostok*. No 4. Pp. 250–257.

Müller M. (2020). *Razyskivaya Globalnyj Vostok: myshlenie mezhd Severom i Yugom* [In Search of the Global East: Thinking between North and South]. *Sociologicheskoe obozrenie*. Vol. 19. No 3. Pp. 19–43.

Pavlovich M. P. (1918). *Chto takoe imperialism?* [What is Imperialism?] Petrograd [St. Petersburg]: Zhizn i znanie. 173 p.

Pavlovich M.P. (1918). *Aziya i ee rol v mirovoj vojne* [Asia and its Role in the World War]. Petrograd [St. Petersburg]: Novaya zhizn. 71 p.

Pavlovich M. (1922). *Zadachi Vserossijskoj nauchnoj asociacii vostokovedeniya* [Tasks of the All-Russian Scientific Association of Oriental Studies]. *Novyj Vostok*. No 1. Pp. 3–15.

Prospekt izdatelstva «Novyj Vostok» Nauchnoj asociacii vostokovedeniya pri CIK SSSR [Prospect of the Publishing House «New Orient» of the Scientific Association of Oriental Studies at the Central Executive Committee of the USSR] (1926). Moscow: Mospoligraf. 31 p.

Pugachenkova G. (1976). *Termez, Shahrisyabs, Hiva* [Termez, Shakhriyabs, Khiva]. Moscow: Iskusstvo. 206 p.

Skalov G. (1923). Hivinskaya revolyuciya 1920 goda [Khiva Revolution of 1920]. *Novyj Vostok*. No 3. Pp. 241–257.

Skachko A. (1923). Vostochnye respubliki na sel'skokhoziaistvennoi vystavke SSSR v 1923 godu [Eastern Republics at the Agricultural Exhibition of the USSR in 1923]. *Novyj Vostok*. No 4. Pp. 482–493.

Starkov K. (1924). Turkestan-kitajskij vodnyj put [Turkestan-Chinese Waterway]. *Novyj Vostok*. No 5. Pp. 185–189.

Starkov K. (1924). Karavannye puti i karavan-sarai v Srednej Azii [Caravan Routes and Caravanserais in Central Asia]. *Novyj Vostok*. No 6. Pp. 196–204.

Solovejchik D. (1922). Revolyucionnaya Buhara [Revolutionary Bukhara]. *Novyj Vostok*. No 2. Pp. 272–288.

Tolz V. (2013). «*Sobstvennyj Vostok Rossii*»: *politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskij i rannesovetskij period* [Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods]. transl. from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 336 p.

Ustav Vserossijskoj nauchnoj asociacii vostokovedeniya pri Narodnom komissariate po delam nacionalnostej [The Charter of the All-Russian Scientific Association of Oriental Studies at the People's Commissariat for Nationalities] (1983). *Stanovlenie sovetskogo vostokovedeniia: sb. statei* [The Formation of Soviet Oriental Studies: coll. of articles]. Moscow: Nauka Publ. Pp. 168–173.

Khalid A. (2021). Natsional'no-territorial'noe razmezhevanie Srednej Azii [National-Territorial Delimitation of Central Asia]. *Islam v Rossii i Evrazii XVI–XXI vv. (pamiaty Dmitriia Iur'evicha Arapova)* [Islam in Russia and Eurasia in the XVI–XXI centuries (in memory of Dmitry Yuryevich Arapov)]. SPb.: Aleteiia. Pp. 395–415.

Hodorov I. (1925). Nacionalnoe razmezhevanie Srednej Azii [National Demarcation of Central Asia]. *Novyj Vostok*. No 8–9. Pp. 65–81.

Shamukaramova F. (2009). Rol V. L. Vyatkina v izuchenii i sohranении pamyatnikov kultury Samarkanda [V. L. Vyatkin's Role in the Study and Preservation of Cultural Monuments of Samarkand]. *O'zbekiston tarixi*. No 3. Pp. 46–51.

Shamukaramova F. (2015). Problemy organizacii ohrany i restavracii pamyatnikov kultury Uzbekistana v 1917–1924 gody [Problems of the Organization of Protection and Restoration of Cultural Monuments of Uzbekistan in 1917–1924]. *O'zbekiston tarixi*. No 1. Pp. 78–88.

Shamukaramova F. (2022). K istorii pervoj sovместnoj arheologicheskoy ekspedicii Muzeya vostochnyh kultur i Turkomstarisa v Termeze: simbioz uchenyh [On the History of the First Joint Archaeological Expedition of the Museum of Oriental Cultures and Turkomstaris in Termez: Symbiosis of Scientists]. *Vzglyad v proshloe*. Vol. 5. No 11. Pp. 11–20.

Sherstyukov S. A. (2020). “Raskreposhenie” musulmanskih zhenshin v Centralnoj Azii: strategii soprotivleniya i sposoby adaptacii (1920–1930-e gg.) [“Emancipation” of Muslim Women in Central Asia: Strategies of Resistance and Ways of Adaptation (1920s–1930-s)]. *Narody i religii Evrazii*. No 4 (25). Pp. 148–160.

Shtejnberg E. (1927). Vostokovedenie v Sovetskom Soyuze [Oriental Studies in the Soviet Union]. *Pravda Vostoka*. No 274. P. 2.

Gorshenina S., Tolz V. (2016). Constructing Heritage in Early Soviet Central Asia: The Politics of Memory in a Revolutionary Context. *Ab imperio*. No 4. Pp. 77–115.

Kemper M. (2009). The Soviet Discourse on the Origin and Class Character of Islam, 1923–1933. *Die Welt des Islams*. Vol. 49. Iss. 1. Pp. 1–48.

Kemper M. (2010). Red Orientalism. Mikhail Pavlovich and Marxist Oriental Studies in Early Soviet Russia. *Die Welt des Islams*. Vol. 50. Iss. 3/4. Pp. 435–476.

Morrison A. (2009). “Applied Orientalism” in British India and Tsarist Turkestan. *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 51. Iss. 3. Pp. 619–647.

Tolz V. (2009). Imperial Scholars and Minority Nationalisms in Late Imperial and Early Soviet Russia. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 10. Iss. 2. Pp. 261–290.

“APPLIED ORIENTALISM” IN SOVIET CENTRAL ASIA

Abstract. The projects and epistolary legacy of Soviet Marxist Orientalists in the 1920s are a poorly studied part of the intellectual history of Russian science. It is important to note that in the early USSR, the study of the “Orient” was associated with the ideological necessity of the Bolsheviks, who considered science like a tool for modernizing not only the former outskirts of the Russian Empire, but also the whole world. This research is devoted to the activities of the All-Union Scientific Association of Oriental Studies in Central Asia. Paid a special attention to M. P. Pavlovich who was the initiator of association and the magazine “New Orient”. The paper found that association employers were engaged in economic, political and cultural projects in the region, including the national-territorial demarcation of Central Asia, as well as archaeological research and restoration of ancient monuments.

Keywords: intellectual history, orientalism, M. P. Pavlovich, Soviet Central Asia.

Daniil V. MELENTEV,

Lecturer, Faculty of Humanities, School of Historical Sciences,
National Research University “Higher School of Economics”
(11 Pokrovsky Boulevard, Moscow, 109028, Russian Federation).
E-mail: back-in-95@mail.ru.

